

кает как сигнал полемики, иронического срыва или стилистического диссонанса.²⁴ Но за видимой пестротой определенных скрывается важный процесс — движение от конкретного адресата (Янов, Кутузов) к адресату — человечеству.

В «Письме к другу» и «Житии Ф. В. Ушакова» исповедь и проповедь имеют вполне определенный адрес, не случайно имя друга возникает здесь в самые напряженные моменты: «Да уничижуся в мысли твоей любезной друг превознося хвалами столь властнаго Самодержавца» (I, 150); «Оснадцать лет уже совершилося, как мы лишилися Федора Васильевича, но мой друг, сколь скоро вспомню о нем, то последнее его с нами свидание столь живо существует в моем воображении, что то же и днесь чувствую, что чувствовал тогда» (I, 184), и др.

Эта опосредованная форма связи (через друга — к читателю) была совершенно необходима, была нужна как этап. Через нее (преодолевая ее и отталкиваясь от нее) Радищев пришел к тому открытому и свободному диалогу с согражданами, каким явилось его «Путешествие». Но теперь он создает диалог принципиально нового свойства. В «Путешествии» происходит утрата связанной с повествователем своеобразной монополии ведения диалога, вне которой нет письма как жанра, а самый голос повествователя перестает быть единственным («Письмо к другу, жительствующему в Тобольске») или почти единственным («Житие Ф. В. Ушакова»). Неизмеримо усложняется функция героя «Путешествия». Он не только «говорит с отсутствующим»,²⁵ но и «слушает» его; он адресат («Зайцов»),²⁶ невольный читатель чужих бумаг,²⁷ участник «бесед <...> откровенных» (I, 269). Наконец, Радищев населил свою книгу множеством героев («приятель мой Ч...» — «Чудово», «человек закутанной в большую япанчу» — «Спасская Полесь», Крестянкин — «Зайцово», крестичкий дворянин — «Крестыцы»), заставив их рассказывать Путешественнику «повести» своей жизни, раскрывать «терзания души» и, «обращая <...> свое слово» (I, 245) к другому, страстно убеждать, воздействовать, проповедовать. Он превратил «Путешествие» в бесконечные потоки монологов. Вливаясь в исповедь Путешественника и объединяясь, они создают единое целое — исповедь и проповедь, адресованные человечеству.

Отказавшись от прямого использования эпистолярной формы, Радищев сохранил ее сущность — могучую силу слова-обращения.

²⁴ «Я поднял упавшее, и неотдал ему. Необличи, меня любезной читатель в моем воровстве <...> Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тот час стяну; смотри, ты неклады мыслей плохо» (I, 259).

²⁵ «Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, О! сочувственник мой, посвящено да будет» (I, 227).

²⁶ «Да вот к тебе письмо... Читай на досуге <...> Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными, и сдержал слово» (I, 280).

²⁷ См. главы «Подберезье», «Выдропуск», «Медное» и др.